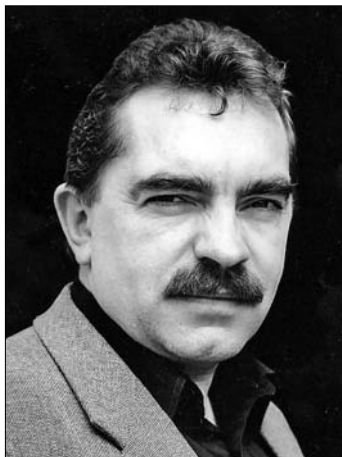

АЛЕСЬ БАДАК

ИНСТРУКЦИЯ ПО СОБЛАЗНЕНИЮ ЗАМУЖНИХ ЖЕНЩИН

*Интервью для первого белорусского эротического журнала,
который пока не начал выходить*

РАССКАЗ

Это интервью никогда прежде не публиковалось. Оно даже не закончено, и я плохо представляю, что могло быть написано во врезке. Не думаю, что это было бы банальное перечисление основных фактов моей биографии и изданных мною книг: Марина не переносила банальностей.

Возможно, во врезке она написала бы о том, как переступила порог моей квартиры, сквозняк с улицы донёс до неё через открытое окно едва уловимый запах сирени, будто я держал в руках невидимый букет.

— Я забыла предупредить, что хочу поговорить с вами о любви. Вы не против?

Однако глаза её говорили иное: она не предупредила нарочно, для неё важно было начало разговора, чтобы сразу понять, какое интервью может в результате получиться. Для меня это было важно не меньше, и я ответил:

— Точнее, вы, я думаю, хотите поговорить о ещё не написанной повести, о которой я имел неосторожность сказать в одной телепередаче.

— Почему неосторожность? Это была хорошая реклама автобиографической, как вы сами признались, повести “Инструкция по соблазнению замужних женщин”.

БАДАК Александр Николаевич родился в 1966 году в д. Турки Ляховичского района Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет. Работал в периодических литературных изданиях. Автор сборников поэзии “Будзень”, “За ценом самотнага сонца”, “Маланкавы посах” и др. Директор издательства “Мастацкая літаратура”. Живёт в Минске.

Она протянула ко мне правую руку ладонью вниз, чтобы продемонстрировать обручальное кольцо:

— Я замужем!

— Я больше не практикую.

— Что?..

В конце концов, врезка могла быть о чём угодно, её могло и вовсе не быть, как могло не быть опубликованным и само интервью, если бы она не выслала мне текст на вычитку. Я публикую его без единой правки, лишь вначале и в конце сделал необходимые пояснения. Публикую потому, что повесть так и не была и, думаю, никогда не будет написана, и это всё, что осталось от странной встречи, состоявшейся пять лет назад, когда однажды в жаркий июньский полдень я открыл дверь квартиры и увидел на лестничной площадке красивую молодую женщину, чей облик всё не уходит из моей головы.

— Я больше не практикую.

Мне сорок пять, возраст, когда завтрашний обед ещё кажется более вкусным, нежели вчерашний, вечерняя женщина красивее утренней, а время от рассвета до полуночи — таким долгим, что можно забыть, что говорил на восходе солнца утренней женщине, осторожно слизывая молочный луч луны с плеча вечерней женщины.

Я старый холостяк, хоть это и не стоящая внимания условность, формальность: я никогда не был одиноким в том смысле, который мы обычно вкладываем в это понятие. Одиночество — страдание, если оставляют тебя. Если оставляешь ты — это удовольствие с лимонным привкусом сожаления, которое со временем переходит в покой. Причём после каждой женщины остаётся иное одиночество, сотканное из запахов именно её тела, из её обид и несбывшихся обещаний, из её смеха и слёз. И едва я успевал насладиться своим очередным одиночеством, как в моей жизни появлялась другая женщина.

Я всегда брал в любви самое лучшее, что в ней есть, не доводя её до привычки, как пчела стремится собрать побольше нектара с цветов, пока не пришла пора увядания.

— Мне кажется, в этом сравнении вы забыли важную деталь: собирая нектар, пчёлы тем самым в результате приносят пользу многим людям, а в вашей ситуации приходится говорить только про вред.

— Вред? Женщины любят во всём обвинять мужчин с той уверенностью, которая лишает смысла любые оправдания. Тем не менее, хочу кое-что уточнить.

Меня не интересуют молоденькие дурочки, которых обмануть так же просто, как на лодке переплыть Минское море. Они легко соглашаются на всё, не слишком затрудняя свой мозг вопросом: а что будет дальше? Они убеждены, что в запасе у них вечность и что они несут моральную ответственность только перед собой, а с собой, как известно, договориться проще всего.

Не интересуют меня и недавние разведёнки, которые каждого нового знакомого рассматривают как потенциального мужа.

В общем, меня не интересуют те, кому от меня — в семейном плане — или не надо ничего, или нужно всё.

Поэтому дверь моей спальни открывалась только перед теми, кто замужем. Ну, если вам этого мало: сам я не переступил порог спальни ни одной замужней женщины. Согласитесь, замужняя женщина семь раз подумает, прежде чем изменить. А значит, её поступок нельзя назвать необдуманным. С другой стороны, она семь раз подумает, прежде чем кардинальным образом изменить свою семейную жизнь или, проще говоря, развестись, и на седьмой раз ей станет от этих мыслей так страшно, что когда её случайный роман, наконец, закончится, она почувствует облегчение.

Ну, и главное: я убеждён, что ни одна из этих женщин не почувствовала себя обманутой, потому что ни одной из них я не обещал то, чего дать не мог.

— Но в каждой женщине завтрашнего больше, нежели сегодняшнего, и, бросая её сегодня, вы вмешиваетесь в её будущее.

— Будущее замужней женщины начинается в её вчерашнем дне. Большинство женщин хоть раз в жизни изменяли своему мужу, а значит, измена — это то, что заложено в неё природой. И семейная рутина, обиды, конфликты, которые вызывают желание отомстить, — всё то, что мы называем причиной измены, — на самом деле только повод для неё. Причина в том, что любовь — это не то, что мы имеем, а то, к чему стремимся, поскольку всегда ждём от неё чего-то нового.

Тот, кто впервые увидел, как восходит солнце, и заплакал от такой красоты, может стать великим поэтом, но тот, кто каждое утро плачет, с одного и того же места наблюдая восход, может стать сумасшедшим.

“Я однолюбка, никогда не изменю своему мужу и буду любить только его — до самой смерти”, — заявила одна из героинь моей повести в начале нашего знакомства. Я спросил её: “Ты помнишь, как вы познакомились?” “Конечно, — ответила она. — В парке Янки Кушалы. Я сидела на скамейке и кормила белочку арахисом. Ещё были у меня миндальные орехи, но я где-то вычитала, что для них это отрава”. Кстати, вы знаете, что женщины, которые, услышав один вопрос, отвечают сразу на десять, доступнее для соблазнения, нежели те, у которых начало ответа надо искать на губах, а конец — в глазах?

— Вы серьёзно?

— Так я узнал, что в день их знакомства было солнечно, и спросил: “А что, если бы была гроза и вы с ним остались каждый в своей квартире? В Минске почти два миллиона жителей, ваша встреча — не больше чем случайность. Через неделю, через месяц, через год ты встретила бы в этом же парке, а может, в метро — не важно, где, — другого своего *единственного* и обманывала бы себя до поры до времени, что будешь любить только его, таким образом изменяя тому, не встреченному, первому”.

Кстати, она уже развелась: сперва видела у мужа только то, что хотелось видеть, а потом — то, что видеть не хотела.

— Благодаря интернету весь Минск — это огромная коммунальная квартира, где каждый на виду, что даёт нам большие возможности для выбора, а значит, снижается процент случайности. И прежде чем лично познакомиться с человеком, о нём можно многое узнать в социальных сетях.

— Всю переписку в интернете я копирую в файлы, которые хранятся в двух папках, названных “Рабочая” и “Личная”. Я очень редко перечитываю файлы из рабочей папки, а всю переписку из личной знаю почти на память. Вы никогда не станете выкладывать в социальные сети своё фото, которое вам не нравится, и никогда не отправите по электронной почте любовное послание, которое предварительно как следует не обдумаете, не перечитаете сто раз и не вычеркнете из него всё, что может характеризовать вас не с лучшей стороны, потому что вам хочется как можно больше понравиться адресату. На некоторое время это срабатывает, но после виртуального знакомства придётся переходить в реальное, а в реальности ничего зачеркнуть невозможно, оно навсегда останется в нашей жизни, как шрам после аппендицита.

“Мне было больно и обидно от того, как ты со мной поступил в понедельник... а на завтра я проснулась с тяжелой головной болью, потому что проплакала половину ночи... а потом прочитала твоё сообщение, что-то вроде: “надеюсь, тебе спалось хорошо, чего не могу сказать о себе”, распенила это как очередное издевательство. И все эти дни мне было очень плохо, когда вспоминала тебя”.

Пересказывая вам сейчас это письмо, я не придумал, не вычеркнул из него ни одного слова. В отличие от одной молодой женщины, когда она писала его *в моё прошлое* — двадцать четыре года назад, ровно на разницу в нашем с ней возрасте. Она почти не чувствовала этой разницы (для чего, признаюсь, мне пришлось приложить много усилий), но заставляла чувствовать её меня, благодаря таким вот своим театральнo-слёзным посланиям.

— Вы не верите в любовь между людьми, разница в возрасте которых несколько десятилетий?

— Почему же, верю. Вопрос только в том, что от такой любви мы сможем взять и какую цену заплатим ей. Стоя в реке, невозможно остановить её. Но можно остановить маленькую частичку реки, зачерпнув воду пригоршней. Вопрос в том, надолго ли достанет терпения удерживать её? Так и со временем. Нельзя остановить течение всего времени, но небольшую часть его, ту, которая течёт через наше сердце, можно повернуть обратно. Однако трудно долго жить сразу в двух временных измерениях.

— **Вы любили по-настоящему женщин, с которыми встречались?**

— Безусловно. Понимаете, я не вполне верю в идеальную любовь, с первого взгляда и навсегда. Это не костюм, пошитый высококлассным мастером по индивидуальному заказу. Я покупаю костюмы в магазине, и, случается, сначала чувствую, как тело неохотно привыкает к обновке, даже хочет избавиться от неё, словно от высохшей кожи после ожога. Но проходит время, и оно сливается с ней в единое целое, перестаёт её ощущать. Одна из героинь моей повести, с которой мы проработали вместе почти год до того, как у нас возникли более близкие отношения, позже призналась мне: “Ты каждый день приходил на работу в костюме и галстук. И вдруг в воскресенье мы случайно встретились в магазине. Я впервые за столько времени увидела тебя в свитере, и ты в эту минуту показался мне таким по-семейному родным, что я едва сдержалась, чтобы не повиснуть на твоей шее”.

— **Вы можете поделиться с читателями нашего журнала некоторыми способами соблазнения замужних женщин?**

— Боюсь, тогда им будет не так интересно читать мою повесть.

— **В таком случае, когда они смогут её прочитать?**

— Думаю, скоро. Хотя, признаюсь, меня настораживает предупреждение Буди Аллена: “Хочешь рассмешить Бога, поделись с ним своими планами”.

Это интервью, отправленное мне на вычитку без журналистских ремарок в диалогах, написание которых — её право, Марина, видимо, оставила “на потом”, я получил по электронной почте и, не поправив в нём ни одного слова, на следующий день отправил обратно с благодарностью. Прошла неделя, затем другая, но от Марины не было никаких сообщений. Большинство журналистов готовы переписываться с вами дни напролёт, пока интервью в работе, но тут же забывают о вас, когда согласовано всё до последней точки.

Однако я знал, что к Марине это вряд ли относится, и решил, что возникли серьёзные проблемы с изданием журнала и ей неловко мне об этом общаться.

Но я ошибся. Примерно через месяц она прислала на мой электронный ящик письмо следующего содержания: “Прошу прощения, что так долго не отвечала. У меня теперь не лучшее душевное состояние, потому всё кажется мерзким, в том числе и ваше интервью. Когда я брала его у вас и готовила к печати — радовалась, поскольку оценивала наш разговор как журналистка, а не замужняя женщина. Вы когда-нибудь ставили себя на место ваших жертв... простите, женщин? Конечно, ставили, вы же писатель. И, наверно, считаете, что они должны быть благодарны вам. Как же, вы легко и непринуждённо показывали им: они лучше, чем думают о себе, и заслуживают большего, нежели имеют. Вы создавали для них маленькие праздники и убеждали, что праздники в их жизни должны быть каждый день. Вот главный пункт вашей инструкции по соблазнению, разве не так? Но сомневаюсь, что вы хоть раз поставили себя на место женщины, у которой этот праздник закончился. И вы даже не представляете, что такое быть брошенной, когда чувствуешь перед собой пропасть и нет сил от неё отступить. Ну и...”

На этом письмо оборвалось. Оно так ошеломило меня, что я долго не мог собраться с мыслями, пока, наконец, не начал писать ответ. Я хотел сообщить ей что-то очень важное, но слова не слушались, и когда я перечитывал готовое, видел, что получается совсем иное, идиотское, не то, что минуту назад было в моей голове...

Две недели я напрасно ждал ответа, пока однажды не вспомнил её слова: “Благодаря интернету, весь Минск — это огромная коммунальная квартира”. Я без особых проблем отыскал в “фейсбуке” её страницу. Последняя

информация, помещённая в разделе “хроника”, принадлежала неизвестной мне молодой женщине, которая с печалью, без подробностей сообщала, что Марины не стало. В тот же день мы с ней списались, и я узнал, что Марина после ссоры с мужем выбросилась с девятого этажа.

Я не знаю, прочитала ли она моё последнее письмо, в котором я каялся за своё бестолковое интервью, за эту игру, рассчитанную на то, чтобы привлечь внимание к ещё не написанной повести. Боже мой, я разведённый холостяк, в жизни которого была только одна женщина — собственная жена! Я собирал истории о семейных изменах в газетах и журналах, вырезая и складывая их в верхний ящик письменного стола, чтобы позже самые интересные использовать в своей повести. Я собирал истории, конспектируя на мелованных листках признания эстрадных звёзд и кинодив на всех доступных мне 49 каналах кабельного телевидения. Чем дольше я собирал их, тем труднее мне было остановиться. И когда довольно объёмный ящик стола наполнился, когда однажды я открыл его и верхние вырезки и мелованные листки мотыльками слетели на пол, я ахнул: мир утонул в семейных изменах! И самое страшное, что об этом не стыдно говорить на публику, что это не осуждается зрителями! Поэты издают книги с фотографиями своих бывших жен и любовниц вместе со стихами, им посвящёнными. Актёры на премьерах фильмов признаются, что любовные романы, которые привели их к семейному разладу, начались именно на съёмках этих фильмов во время интимных сцен. Я не говорил в телепередаче, что моя повесть будет автобиографической! Я сказал, что она почти документальная. А сегодня под вторым понимается первое, и никак иначе! Мне хотелось наполнить повесть реальными героями, реальными историями так плотно, как ад наполнен грешниками. Это и была бы повесть-ад — к тому, небесному приговору.

Но, скорее всего, она уже никогда не будет написана.

Перевод с белорусского Олега Ждана